

Эдгар Аллан По

Украденное письмо

Часть сборника
Золотой жук (сборник)

Эдгар Аллан По
Украденное письмо
Серия «Истории Огюста Дюпена», книга 3

*Текст предоставлен издательством «Эксмо»
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=168226
Э.По Золотой жук. Рассказы: Эксмо; Москва; 2006
ISBN 978-5-699-07815-8, 5-699-07815-0
Оригинал: EdgarPoe, "The Purloined Letter"
Перевод:
Михаил Александрович Энгельгардт*

Аннотация

«Однажды, в темный и бурный вечер осенью 18... года, в Париже, я услаждал свою душу размышлениями и пенковой трубкой, сидя в обществе моего друга С. Огюста Дюпена в его крошечной библиотеке – она же кладовая для книг...»

Содержание

Комментарии	14
2	15

Эдгар Аллан По

Украденное письмо

Nil sapientiae odiosius acumine nimio.

*Seneca*¹

Однажды, в темный и бурный вечер осенью 18... года, в Париже, я услаждал свою душу размышлениями и пенковой трубкой, сидя в обществе моего друга С. Огюста Дюпена в его крошечной библиотеке – она же кладовая для книг, – au troisieme № 33, Rue Dunft, Faubourg, St. Germain².

Битый час мы хранили глубокое молчание, всецело погруженные – так по крайней мере показалось бы постороннему наблюдателю – в созерцание причудливых облаков дыма, наполнявшего комнату. Что касается меня, то я думал о двух давних событиях, о которых мы беседовали в начале вечера: это было происшествие на улице Морг и тайна, связанная с убийством Мари Роже. И я невольно был поражен каким-то странным совпадением, когда дверь отворилась и вошел господин Г., префект парижской полиции.

Мы встретили его очень приветливо: хоть многое в нем заслуживало презрения, но человек он был презабавный, к тому же мы не виделись с ним уже несколько лет. Мы сидели в темноте, и Дюпен привстал было, чтобы зажечь лампу, но снова уселся, услышав, что гость пришел посоветоваться с нами, – точнее, с моим другом, – относительно одного происшествия, наделавшего немало хлопот.

– История эта, вероятно, потребует размышлений, – сказал Дюпен, – и нам, пожалуй, удобнее будет обсуждать ее в темноте.

– Это тоже одна из ваших странностей, – заметил префект, называвший странным все, что превышало его понимание, и потому живший среди бесчисленных «странностей».

– Вот именно, – отвечал Дюпен, предложив гостю трубку и пододвинув ему спокойное кресло.

– Так в чем же теперь дело? – спросил я. – Надеюсь, на сей раз речь идет не об убийстве?

– О нет, ничего подобного. Дело очень простое; я думаю, мы и сами с ним справимся! Но мне показалось, что Дюпену будет интересно узнать подробности: происшествие крайне странное.

– Простое и странное? – спросил Дюпен.

– Ну да, и это еще не все. В том-то и странность, что дело-то уж очень простое, а сбивает с толку.

– Может быть, именно своей простотой оно и сбивает вас с толку? – заметил мой друг.

– Что за вздор, – возразил префект, рассмеявшись.

– Может быть, тайна слишком ясна? – прибавил Дюпен.

– О господи, что за мысль!

– И слишком очевидна?

– Ха-ха-ха! ха-ха-ха! хо-хо-хо! – захохотал гость. – Ну, Дюпен, вы меня просто уморите.

– Но что же, наконец, произошло? – спросил я.

– Я вам, пожалуй, расскажу, – отвечал префект; сделав длинную затяжку, он задумчиво выпустил струю дыма и откинулся на спинку кресла. – Расскажу в немногих словах, но должен предупредить: дело требует строжайшей тайны, и я наверняка лишусь места, если выяснится, что я кому-то о нем рассказал.

---

¹ Для мудрости нет ничего ненавистнее мудрствования (лат.). Сенека.

² В Сен-Жерменском предместье, на улице Дюно, № 33, четвертый этаж (фр.).

– Говорите, – предложил я.

– Или не говорите, – заметил Дюпен.

– Так вот: я получил извещение от одного высокопоставленного лица, что из королевских апартаментов похищен крайне важный документ. Похититель установлен. Тут не может быть никаких сомнений: видели, как он взял документ. Известно также, что документ до сих пор остается в его руках.

– Откуда это известно? – спросил Дюпен.

– Это ясно из самой природы документа, – отвечал префект, – и потому, что до сих пор не обнаружилось последствия, которые должны обнаружиться, когда документ уйдет из рук вора, – то есть когда вор употребит его для той цели, ради которой похитил.

– Нельзя ли немножко яснее? – заметил я.

– Хорошо. Если так, я скажу, что документ дает лицу, владеющему им, власть в той именно области, где эта власть имеет особое значение. – Префект любил дипломатические обороты.

– Я все-таки ничего не понимаю, – заявил Дюпен.

– Не понимаете? Хорошо. Предъявление этого документа третьему лицу, – я не стану его называть, – затронет честь одной очень высокопоставленной особы. Это дает владельцу документа власть над некоей знатной особой, спокойствие и честь которой, таким образом, подвергаются опасности.

– Но, – заметил я, – ведь эта власть зависит от того, известно ли укравшему документ, что обокраденная им особа знает похитителя? Кто же дерзнул бы...

– Вор, – перебил префект, – министр Д., человек, который способен на все, достойное и недостойное. Самый способ похищения так же смел, как и остроумен. Документ, о котором идет речь (если уж говорить откровенно, это письмо), был получен пострадавшей особой в королевском будуаре, где она, находясь в одиночестве, принялась читать его и была захвачена врасплох другой знатной особой – именно той, от которой надлежало скрыть письмо. После неудачной попытки сунуть его в ящик она вынуждена была оставить письмо на столе. Впрочем, оно лежало адресом вверх и могло остаться незамеченным. В эту минуту входит министр Д. Его рысьи глаза мигом замечают конверт, узнают почерк на адресе, видят смущение особы – и тайна угадана. Поговорив о делах, министр с обычной своей торопливостью достает из кармана письмо, очень похожее на то, о котором идет речь, разворачивает его, делает вид, что читает, потом кладет на стол рядом с первым и продолжает разговор о государственных делах. Наконец через четверть часа уходит, захватив письмо, адресованное вовсе не ему. Особа, которой принадлежало письмо, заметила этот маневр, но не могла остановить вора в присутствии стоявшего подле нее третьего лица. Министр отретировался, оставив на столе свое письмо – самого пустого содержания.

– Итак, – сказал Дюпен, обращаясь ко мне, – условия именно таковы, какие, по вашему мнению, нужны, чтобы власть одного лица над другим была полной: вору известно, что потерпевший знает, кто вор.

– Да, – подтвердил префект, – и вот уже несколько месяцев, как вор злоупотребляет этой властью для осуществления своих крайне опасных политических целей. Обворованная особа с каждым днем все более убеждается в необходимости получить письмо обратно. Но этого нельзя сделать открыто. В конце концов, доведенная до отчаяния, она поручила все дело мне.

– Полагаю, – заметил Дюпен, скрываясь в клубах дыма, – что более проникательного агента нельзя и желать, нельзя даже вообразить.

– Вы мне льстите, – отозвался префект, – впрочем, возможно, что кое-кто и держится подобного мнения.

– Как вы сами заметили, – сказал я, – письмо, очевидно, все еще в руках министра. Обладание письмом, а не его употребление дает министру власть; когда письмо будет пущено в ход, власть кончится.

– Вот именно, – сказал префект, – я и действовал на основании этого убеждения. Прежде всего я решился обыскать дом министра. Главное затруднение состояло в том, чтобы произвести обыск без его ведома. Меня предупредили, что опасность будет особенно велика в том случае, если он узнает о моих замыслах.

– Но, – сказал я, – вы достаточно *au fait*³ в подобного рода делах. Парижская полиция не раз уже успешно проделывала такие штуки.

– О да, оттого-то я и не отчаивался. К тому же и привычки министра были мне на руку. Он сплошь да рядом не ночует дома. Слуг у него мало, спят они далеко от хозяйских комнат; это главным образом неаполитанцы, которых ничего не стоит напоить. Как вам известно, у меня есть ключи, с помощью которых можно отомкнуть любую дверь в Париже. И вот уже в течение трех месяцев я почти каждую ночь самолично обыскиваю особняк Д. Это для меня вопрос чести. Кроме того, – говорю вам под секретом, – награда назначена огромная. Итак, я искал без устали, пока не убедился, что вор все же хитрее меня. Думаю, что я облазил каждый уголок в доме, каждую щель, в которой могло быть запрятано письмо.

– Но разве нельзя себе представить, – заметил я, – что письмо хоть и находится в руках министра, в чем не может быть сомнения, но спрятано вне его квартиры?

– Вряд ли, – сказал Дюпен. – Запутанное положение дел при дворе, а в особенности интриги, в которых замешан Д., требуют, чтобы документ всегда находился под рукой и чтобы им можно было воспользоваться в любую минуту. Это для Д. почти столь же важно, как само обладание документом.

– Воспользоваться им? – спросил я.

– Вернее говоря – уничтожить его, – отвечал Дюпен.

– Да, – заметил я, – в таком случае письмо, очевидно, в его квартире. При нем оно не может находиться, об этом и говорить нечего.

– Разумеется, – подтвердил префект. – Мои агенты под видом бандитов дважды напали на него и обыскивали его на моих глазах.

– Напрасно трудились, – заметил Дюпен. – Не совсем же Д. сумасшедший, он, конечно, ожидал подобных нападений.

– Не совсем сумасшедший, – возразил префект, – но ведь он поэт, стало быть, не далек от сумасшедшего.

– Верно, – согласился Дюпен, задумчиво выпуская клуб дыма из своей пенковой трубки, – хотя и я когда-то грешил виршами.

– Не можете ли вы, – спросил я, – рассказать подробнее об обыске?

– Видите ли, времени у нас было довольно, и мы искали везде. Я ведь собаку съел на этих делах. Я обыскал весь дом, комнату за комнатой, и все по ночам; посвятил каждой целую неделю. Мы прежде всего осматривали мебель; вскрывали все ящики, – вы, я думаю, сами понимаете, что для хорошего сыщика нет потайных ящиков. Тот, от кого ускользнет при обыске потайной ящик, – олух, а не сыщик. Это же так просто. У каждого письменного стола есть определенная вместимость, он занимает известное пространство. У нас на этот счет существуют точные правила. Пятая часть линии не ускользнет от осмотра. Обыскав ящики, мы принялись за кресла. Подушки были исследованы длинными тонкими иглами, их употребление я вам объяснял. Со столов мы снимали доски.

– Зачем?

---

³ Опытны (*фр.*).

– Случается, что, желая спрятать вещь, снимают доску со стола или с другой подобной мебели, выдалбливают в ножке углубление, прячут туда вещь и кладут доску на старое место. Для той же цели служат иногда ножки кроватей.

– А разве нельзя определить пустоту по звуку? – спросил я.

– никоим образом, если спрятанный предмет завернут в достаточно толстый слой ваты. К тому же нам приходилось действовать без шума.

– Однако не могли же вы снять все крышки, изломать все ножки и все ящики, в которых могло быть запрятано письмо. Ведь его можно свернуть в трубочку не толще вязальной спицы и засунуть... ну хотя бы в перекладину стула. Не могли же вы разбирать по кусочкам все стулья!

– Разумеется, нет. Но мы сделали лучше: мы осмотрели все стулья, всю мебель, каждую шишечку, каждую отдельную планку с помощью сильной лупы. Малейшие следы недавней работы не ускользнули бы от нас. Впадинка от бурава показалась бы размером с яблоко. Ничтожная царапинка, трещинка в местах соединения планок заставила бы нас взломать вещь.

– Полагаю, что вы осмотрели зеркала между рамами и стеклом, обыскали постели, постельное белье, ковры, шторы?

– Само собой разумеется. Исследовав таким образом все вещи, мы принялись за самый дом. Мы разделили его на участки, занумеровали их, чтобы не пропустить ни одного, и осмотрели таким же порядком, в лупу, каждый квадратный дюйм этого и двух соседних домов.

– Двух соседних домов! – воскликнул я. – Однако пришлось же вам повозиться!

– Да, но и награда обещана колоссальная!

– А сады и участки вокруг домов тоже осмотрели?

– Они вымощены кирпичом. Их осмотр не представлял особенных затруднений. Мы исследовали мох между кирпичами и убедились, что он не тронут.

– Вы, разумеется, осмотрели также бумаги и библиотеку Д.?

– Конечно; мы развязывали каждую связку, каждую папку; каждую книгу перелистали с начала до конца, не ограничиваясь одним встряхиванием, как делает иногда полиция. Измеряли толщину переплетов и рассматривали их в лупу самым тщательным образом. Если бы что-нибудь было запрятано в переплете, мы не могли бы этого не заметить. Некоторые из книг, только что полученные от переплетчика, были осторожно исследованы тонкими иглами.

– Вы исследовали полы под коврами?

– Еще бы. Мы снимали ковры и рассматривали доски в лупу. – Обои?

– Тоже.

– Заглянули в подвалы?

– Как же.

– Ну, – сказал я, – значит, вы ошиблись: письмо спрятано не в его доме.

– Боюсь, что вы правы, – отвечал префект. – Так вот, что же вы мне посоветуете, Дюпен?

– Основательно обыскать еще раз весь особняк.

– Это ни к чему, – возразил префект. – Я головой ручаюсь за то, что письма в доме нет.

– Другого совета я вам дать не могу, – сказал Дюпен. – У вас, конечно, есть точное описание письма?

– О да! – тут префект достал из кармана записную книжку и прочел подробнейшее описание внутреннего и особенно внешнего вида пропавшего документа. Вскоре после этого он ушел в таком угнетенном состоянии духа, в каком я его еще никогда не видал.

Месяц спустя он нанес нам вторичный визит и застал нас за прежним занятием. Усевшись в кресло и закулив трубку, он начал болтать о том о сем. Наконец я спросил:

– Как же насчет письма, любезный Г.? Я думаю, вы убедились, что поймать этого министра с поличным нелегко?

– Да, черт его побери! Я еще раз произвел обыск, по совету Дюпена, но, как и ожидал, – без успеха.

– Какая, вы сказали, обещана награда? – спросил Дюпен.

– Огромная сумма, очень щедрая награда. Точной цифры не назову, но скажу одно: я лично выдал бы чек на пятьдесят тысяч франков тому, кто доставит мне то письмо. Дело в том, что необходимость найти его возрастает с каждым днем. На днях награда удвоена. Но, будь она даже утроена, я не могу сделать больше того, что сделал.

– Ну, знаете, – протянул Дюпен, попыхивая пенковой трубкой, – я думаю... мне кажется, Г., вы еще не все сделали, не все испробовали. Вы могли бы сделать больше, думается мне, а?

– Как? Каким образом?

– Видите ли, – пфф, пфф, – вы могли бы, – пфф, пфф – посоветоваться кое с кем? – пфф, пфф, пфф. – Помните анекдот об Абернети.

– Нет, черт с ним, с Абернети!

– Разумеется, черт с ним! Но один богатый скряга вздумал как-то выудить у Абернети медицинский совет. Вступив с ним для этого в разговор где-то на вечере, он описал свою болезнь под видом болезни вымышленного лица. «Вот каковы симптомы, – сказал он в заключение, – что бы вы ему посоветовали, доктор?» – «Что бы я посоветовал? – отвечал Абернети. – Пригласить врача».

– Но, – сказал префект, слегка покраснев, – я решительно готов заплатить за совет. Я действительно дам пятьдесят тысяч франков тому, кто поможет мне найти письмо.

– В таком случае, – сказал Дюпен, отодвигая ящик письменного стола и доставая чековую книжку, – вы можете сейчас же написать чек. Как только он будет готов, я вручу вам письмо.

Я остолбенел. Префект был точно громом поражен. В течение нескольких минут он сидел нем и недвижим; разинув рот и выпучив глаза, он недоверчиво смотрел на моего друга. Затем, опомнившись, схватил перо и после некоторых колебаний и растерянных взглядов написал чек и протянул его через стол Дюпену. Последний внимательно прочел чек, спрятал его в записную книжку, затем открыл бювар, извлек оттуда письмо и подал префекту. Полицейский схватил его вне себя от радости, развернул дрожащими руками, пробежал, ринулся как безумный к дверям и исчез, так и не сказав ни единого слова с той минуты, как Дюпен предложил ему подписать чек.

Когда он ушел, мой друг приступил к объяснению.

– Парижские полицейские, – начал он, – по-своему народ очень полезный. Они настойчивы, изобретательны, хитры и знают свое дело до тонкости. Когда Г. описал мне, как он производил обыск в доме министра, я ни минуты не сомневался, что обследование было сделано безукоризненно – для такого рода обследований.

– Для такого рода обследований?

– Да. Принятые меры были в данном случае не только лучшими, но и выполнены в совершенстве. Если бы письмо было спрятано на той территории, где они производили обыск, эти молодцы, без сомнения, нашли бы его.

Я рассмеялся, но Дюпен, по-видимому, говорил вполне серьезно.

– Итак, – продолжал он, – меры были по-своему хороши, исполнение тоже не оставляло желать лучшего. Недостаток их заключался в том, что они не подходили к данному случаю и к данному лицу. Существует группа очень остроумных приемов, род прокрустова ложа,

и к ним префект прибегает во всех случаях. Но он подходит к делу или слишком глубоко-мысленно, или слишком поверхностно, так что сплошь да рядом любой школьник оказался бы сообразительнее. Я знал одного восьмилетнего мальчика, который изумлял всех своим искусством играть в «чет и нечет». Игра эта очень проста: один из играющих зажимает в руке несколько шариков, а другой должен угадать, четное у него число или нечетное. Если угадает – получит один шарик, если нет – должен отдать шарик противнику. Мальчик, о котором я говорю, обыгрывал всех в школе. Разумеется, у него был известный метод отгадывания, основанный на простой наблюдательности и оценке сообразительности партнеров. Например, играет с ним какой-нибудь простофиля, зажал в руке шарики и спрашивает: «Чет или нечет?» Наш игрок отвечает: «Нечет» – и проигрывает; но в следующий раз выигрывает, ибо он рассуждает так: простофиля взял в первый раз четное число – хитрости у него хватит как раз настолько, чтобы взять теперь нечет, – поэтому я должен сказать «нечет». Он говорит: «Нечет» – и выигрывает. Имея дело с партнером немного поумнее, он рассуждал так: в первый раз я сказал «нечет»; помня это, он будет рассчитывать (как и первый), что в следующий раз я скажу «чет» и, стало быть, ему следует взять нечет. Но он тотчас сообразит, что это слишком простая хитрость, и решится взять чет. Скажу лучше «чет». Говорит: «Чет» – и выигрывает. В чем же в конце концов суть игры этого школьника, которого товарищи называли «счастливецем»?

– Это просто отождествление интеллекта игрока с интеллектом противника, – сказал я.

– Именно, – отвечал Дюпен, – и, когда я спросил мальчика, каким образом он достигает полного отождествления, от которого зависит его успех, он отвечал мне: «Когда я хочу узнать, насколько мой противник умен или глуп, добр или зол и какие у него мысли, я стараюсь придать своему лицу такое выражение, как у него, и замечаю, какие мысли или чувства появляются у меня в соответствии с этим выражением». Истина, высказанная школьником, лежит в основе всей мнимой мудрости, приписываемой Ларошфуко, Лабрюйеру, Макиавелли и Кампанелле.

– А отождествление своего интеллекта с чужим, – добавил я, – зависит, если я правильно вас понял, от точной оценки интеллекта противника.

– В своем практическом применении – да, – отвечал Дюпен. – Префект и его сподвижники ошибаются так часто, во-первых, потому, что у них отсутствует отождествление, во-вторых, – потому, что они неточно оценивают или вовсе не оценивают тот интеллект, с которым им приходится иметь дело. Они принимают в расчет только свои представления о хитрости и, разыскивая что-нибудь, имеют в виду лишь те способы, которые они применили бы сами, если бы им вздумалось что-нибудь скрыть. Отчасти они правы – их изобретательность в точности соответствует изобретательности рядового человека; преступник, изобретательный на свой лад, наверняка проведет их. Это всегда случается, если он по уму выше их, и нередко – если он ниже. Они не изменяют принципа своих расследований даже в случаях особой важности или экстраординарной награды, а лишь усиливают, доводя до крайности обычные приемы, не отступая при этом от того же принципа. Вот, например, случай с господином Д. Отступили ли они хоть на йоту от своего принципа? Что такое все эти ошупывания, рассматривания в лупу, разделение поверхности на квадратные дюймы, – что это, как не скрупулезное применение принципа или принципов расследования, основанных на том представлении о человеческой изобретательности, к которому приучила префекта рутина его долгой практики? Вы видите, он уверен, что всякий спрячет письмо если не в ножке стула или кровати, то во всяком случае в какой-нибудь незаметной щелке или углублении, следуя тому же ходу мысли, которое побуждает человека просверлить дыру в ножке стола. Разве вы не понимаете, что в такие потаенные местечки прячут вещи только в обыкновенных случаях и люди обыкновенного ума, так как этот способ прежде всего придет в голову, если вам нужно что-нибудь спрятать. В таком случае успешность поисков зависит вовсе

не от пронизательности ищущего, а от простого усердия, терпения и настойчивости. А эти качества всегда окажутся налицо, когда дело представляет большую важность или за него обещана хорошая награда, что в глазах полиции одно и то же. Теперь для вас ясен и смысл моего замечания: если бы письмо находилось в районе поисков префекта или, иными словами, если бы вор руководился тем же принципом, что и префект, то оно, без сомнения, было бы найдено. Однако префект остался в дураках. Главная причина его ошибки в том, что он считает министра сумасшедшим, зная, что тот поэт. Все сумасшедшие – поэты, об этом наш префект догадывается; только он нарушил правило *non distributio medii*, сделав обратный вывод: что все поэты – сумасшедшие.

– Но разве он действительно поэт? – спросил я. – Их, как я слышал, два брата, и оба известные литераторы. Министр, кажется, написал ученый трактат о дифференциальном исчислении, он математик, а не поэт.

– Вы ошибаетесь; я хорошо его знаю. Он и то и другое. Как поэт и математик он рассуждал здраво; будь он только математик, он не рассуждал бы вовсе и попал бы в лапы префекта.

– Вы меня удивляете, – сказал я, – ваше мнение противоречит общему. Или вы ни во что не ставите веками установившиеся взгляды? Математический ум издавна считается умом *par excellence*⁴.

– И-у-а а *parier*, – возразил Дюпен, цитируя Шамфора, – *que toute idee publique, toute convention rezue est une sottise, car elle a convenue au plus grand nombre*⁵. Правда, математики сделали все возможное для распространения ошибочного взгляда, о котором вы упомянули и который остается ошибочным, хотя и прослыл за истину. Например, с усердием, заслуживающим лучшей награды, они искусно ввели в алгебру термин «анализ». Виновики этого недоразумения – французы; но если термин имеет какое-либо значение, если слова важны, поскольку у них есть определенное применение, то «анализ» так же относится к «алгебре», как, например, латинское «*ambitus*»⁶ к «амбиции», «*religio*»⁷ к «религии» или «*homines honesti*»⁸ к «достопочтенным людям».

– Вы наживете ссору с парижскими алгебраистами, – заметил я, – но продолжайте.

– Я оспариваю правильность выводов и, следовательно, достоинства ума, воспитавшегося на каком угодно методе, кроме абстрактно-логического. В особенности я оспариваю достоинства ума, воспитанного на математике. Математика – наука о форме и количестве; математические доказательства – простое приложение логики к наблюдениям над формой и количеством. Даже истины так называемой чистой алгебры только в силу глубокого заблуждения считаются отвлеченными или общими. Ошибка до того грубая, что я удивляюсь, как могла она стать общепринятым убеждением. Математические аксиомы – не всеобщие аксиомы. То, что справедливо в применении к отношениям между формой и количеством, часто оказывается вздором в применении, например, к истинам моральным. В этой области положение: «сумма частей равна целому» – в большинстве случаев оказывается неверным. В химии эта аксиома тоже не применяется. В вопросе о мотивах она не оправдывается, ибо два мотива известной побуждающей силы, соединяясь, вовсе не производят действия, равного сумме этих двух сил. И существует много других математических истин, которые являются истинами лишь в пределах *отношений*. Но математики привыкли судить обо всем с точки

---

⁴ По преимуществу (*фр.*).

⁵ Можно побиться об заклад, что всякая общественная идея, всякое общепринятое мнение – глупость, так как оно понравилось большинству (*фр.*).

⁶ Хождение вокруг, обхаживание (*лат.*).

⁷ Совесть (*лат.*).

⁸ Честные люди (*лат.*).

зрения своих окончательных истин, как будто они имеют безусловное и всеобщее применение, и мир считает их таковыми. Брайант в своей весьма ученой «Мифологии» указывает аналогичный источник ошибок, говоря, что «хотя мы и не верим языческим басням, но часто забываемся и относимся к ним так, как будто бы они были реальным фактом». Математики – те же язычники: веруют в «языческие басни» и ссылаются на них не вследствие забывчивости, а в силу какого-то необъяснимого помрачения ума. Я еще не встречал математика, которому можно было бы доверять все области квадратных корней и который не веровал бы втайне, что безусловно и при всяких обстоятельствах равно q . Скажите, ради опыта, кому-нибудь из этих господ, что, по вашему мнению, могут быть случаи, когда не вполне равно q , – скажите, попробуйте! А затем бегите без оглядки, на давая ему опомниться, иначе он вас пристукнет.

Я к тому веду речь, – продолжал Дюпен, хоть я и рассмеялся над его последним замечанием, – что префекту не пришлось бы выдать мне чек, если бы Д. был только математиком. Но я знал, что министр – математик и поэт, и сообразовал свои действия с его способностями и с условиями, в которых он находился. Я знал также, что он льстец и смелый интриган. Такому господину, рассуждал я, без сомнения, известны обычные приемы полиции. Он, бесспорно, предвидел (последствия показали, что он действительно предвидел) нападение переодетых агентов. Он не мог не предугадать, я думаю, тайный обыск его особняка. Его частые отлучки, в которых префект усмотрел столь благоприятное условие для своих поисков, показались мне просто хитростью: ему хотелось поскорее убедить полицию (она и убедилась, как вы знаете), что письма у него в доме нет. Я догадался, что ряд мыслей, которые я вам только что изложил – о неизменном принципе полицейских приемов расследования, – что весь этот ряд мыслей непременно должен был прийти в голову и министру. Это заставило его с презрением отвергнуть все обычные тайники, которыми пользуются, чтобы спрятать вещь. У него, думал я, хватит ума сообразить, что для буравов, зондов и луп префекта самый потайной и незаметный уголок в его квартире окажется вполне доступным. Словом, я видел, что он должен прийти – инстинктивно или сознательно – к самому простому решению вопроса. Вы помните, как хохотал префект, когда я заметил при первом его посещении, что тайна сбивает его с толку, быть может, именно потому, что она слишком ясна.

– Да, – заметил я, – помню, как он развеселился. Я боялся, что он лопнет со смеху.

– Материальный мир, – продолжал Дюпен, – изобилует аналогиями с миром нематериальным, что придает определенную убедительность известному правилу риторики, утверждающему, будто метафора или уподобление может усилить аргумент и украсить описание. Например, принцип *vis inertiae*⁹, по-видимому, одинаков и для мира физического, и для мира метафизического. Как в первом тяжелое тело труднее привести в движение, чем легкое, и его дальнейший напор пропорционален сделанному усилию, так во втором мощный интеллект, более гибкий, более настойчивый, более смелый в своих стремлениях, чем дюжинный ум, труднее приводится в движение и дольше колеблется на первых порах. Далее: замечали вы когда-нибудь, какие вывески наиболее обращают на себя внимание?

– Никогда не замечал, – сказал я.

– Существует игра в загадки на географической карте, – продолжал Дюпен. – Одна сторона должна найти слово, задуманное другой, – название города, реки, области, государства, – стоящее на пестрой, испещренной названиями поверхности карты. Новички стараются обыкновенно затруднить своих противников, загадывая названия, напечатанные самым мелким шрифтом, но опытный игрок выбирает слова, напечатанные крупным шрифтом от одного края карты до другого. Эти названия, как и вывески или объявления, написанные чересчур крупными буквами, ускользают от внимания, ибо видны слишком ясно. Эта физи-

⁹ Сила инерции (лат.).

ческая слепота вполне аналогична духовной, в силу которой ум опускает все слишком очевидное, слишком осязательное. Но это обстоятельство выше или ниже понимания префекта. Ему и в голову не приходило, что министр может положить письмо на виду у всех именно для того, чтобы никто его не увидел.

Но чем больше я думал о дерзком, блестящем и тонком остроумии Д., о том, что документ, если он хотел им воспользоваться, безусловно, должен был всегда находиться у него под рукою, и об обыске, показавшем, как нельзя яснее, что письмо не было спрятано там, где префект его искал, – тем вернее я приходил к убеждению, что министр избрал остроумный и простой способ скрыть письмо, не пряча его вовсе.

С такими мыслями я в одно прекрасное утро надел синие очки и отправился к министру. Д. оказался дома; по обыкновению, он зевал, потягивался, бродил из угла в угол, уверяя, что пропадает от скуки. Он, быть может, самый деятельный человек в мире, но только когда его никто не видит.

Чтобы попасть ему в тон, я стал жаловаться на слабость зрения и необходимость носить очки, из-под которых меж тем осторожно осматривал комнату, делая вид, что интересуюсь только нашим разговором.

Я обратил внимание на большой письменный стол, подле которого мы сидели; на нем в беспорядке валялись письма и бумаги, один-два музыкальных инструмента и несколько книг. Внимательно осмотрев стол, я не заметил ничего подозрительного.

Наконец взгляд мой, блуждая по комнате, упал на дрянную плетеную сумочку для визитных карточек: она была обвязана грязной голубой лентой и болталась на медном гвозде над камином. В сумочке, состоявшей из трех или четырех отделений, хранилось несколько карточек и какое-то письмо, засаленное и скомканное. Оно было надорвано почти до половины, как будто его хотели разорвать и бросить, как ненужную бумажонку, но потом раздумали. На нем была черная печать с вензелем Д., очень заметным, и адрес, написанный мелким женским почерком. Письмо было адресовано самому Д., министру. Оно было кое-как, по-видимому даже с пренебрежением, засунуто в одно из верхних отделений сумочки.

При первом взгляде на это письмо я решил, что его-то я и ищу. Конечно, вид его совершенно не соответствовал описанию префекта. Тут печать была большая, черная, с вензелем Д., – там – маленькая, красная, с гербом герцогов С. Тут стояло имя Д., и адрес был написан мелким женским почерком, там – имя королевской особы, написанное смело и размашисто; только размером они походили одно на другое. Но этот контраст лишь усилил мои подозрения. Письмо, грязное и засаленное, – что никак не вязалось с методическими привычками Д., – было надорвано, словно пытались внушить мысль о его ненужности, и оно лежало, как я и ожидал, на самом виду.

Я затащил свой визит, сколько мог, и, беседуя с министром на тему, которая, как мне было известно, всегда интересовала и захватывала его, не сводил глаз с письма. Благодаря этому я до мелочей запомнил, как оно выглядело и в каком положении лежало; сверх того мне удалось сделать открытие, уничтожившее мои последние сомнения. Рассматривая сгибы, я заметил, что они смяты больше, чем нужно. Такой вид имеет бумага, если ее сложить, потом расправить, разгладить, а затем снова сложить в обратную сторону по тем же изгибам. Этого было совершенно достаточно. Я убедился, что конверт был вывернут наизнанку, как перчатка, снова сложен и снова запечатан. Я простился с министром и ушел, оставив на столе золотую табакерку.

На другой день я явился за табакеркой, и мы с увлечением возобновили вчерашний разговор. Вдруг на улице раздался выстрел, затем отчаянные крики и шум. Д. кинулся к окну, отворил его и высунулся на улицу, а я подошел к сумочке, схватил письмо и сунул в

карман, положив на его место facsimile¹⁰ конверта. Я приготовил его заранее, дома, сделав очень удачно слепок с вензеля Д. при помощи хлебного мякиша.

Суматоху на улице произвел какой-то полоумный, выстрелив из ружья в толпе женщин и детей. Впрочем, выстрел был сделан холостым зарядом, так что виновника отпустили, приняв его за помешанного или пьяного. Когда он удалился, Д. отошел от окна, а я занял его место. Вскоре затем я простился и ушел. Мнимый помешанный был подкуплен мною.

– Но зачем вам было подменять письмо? – спросил я. – Не лучше ли было в первое же посещение схватить его и уйти?

– Д., – возразил Дюпен, – человек отчаянный, готовый на все. И в его особняке найдутся преданные ему люди. Если бы я решился на такую выходку, мне бы, пожалуй, не выбраться живым из его дома. И мои милые парижане больше не услышали бы обо мне. Но у меня была определенная цель и помимо этих соображений. Вы знаете мои политические взгляды. В этом происшествии я действовал как сторонник дамы, у которой украдено письмо. Вот уже полтора года министр держит ее в своей власти.

Теперь он у нее в руках, так как, не зная о судьбе письма, он будет действовать по-прежнему. Таким образом, он собственноручно подготовит свое политическое крушение. Падение его будет столь же стремительно, как и комично. Хорошо толковать о *facilis descensus Avernii*¹¹, но я думаю, что идти вверх всегда легче, чем вниз, как говаривала Каталани о пении. В данном случае я не испытываю жалости к тому, кому предстоит идти вниз. Это *monstrum horrendum*¹², человек талантливый, но совершенно беспринципный. Признаюсь, мне бы очень хотелось знать, что он подумает, когда, встретив отпор со стороны «некоей особы», как называет ее префект, достанет и прочтет мое письмо.

– Как, разве вы что-нибудь написали ему?

– Видите ли, положить чистый листок бумаги было бы с моей стороны просто неуважительно. Однажды Д. сыграл со мной в Вене злую шутку, и я тогда же сказал ему, вполне благодушно, что не забуду ее. Зная, что ему будет любопытно узнать, кто так поддел его, я решился оставить ключ к разъяснению тайны. Он знает мой почерк – и вот я написал как раз посередине листка:

Un dessein si funeste,
S'il n'est digne d'Atree, est digne de Thyeste¹³.

Это из «Атрея» Кребильона.

---

¹⁰ Точное подобие (*лат.*).

¹¹ Легкости сошествия в преисподнюю (*лат.*).

¹² Ужасное чудовище (*лат.*).

¹³ Такой пагубный план Достоин если не Атрея, то Фиеста (*фр.*).

Комментарии

Абернети Джон (1764–1831) – английский хирург, известный своим эксцентрическим поведением.

Ларошфуко Франсуа (1613–1680) – французский писатель-моралист.

Non distributio medii – нерасчленение среднего (*лат.*) – в формальной логике одно из правил построения силлогизма.

Шамфор Себастиан (1741–1794) – французский писатель, активный деятель Великой французской революции, противник якобинцев.

Брайант Джейкоб (1715–1804) – английский писатель, автор книги «Анализ античной мифологии».

«*Атрей и Фiest*» (1707) – трагедия французского драматурга Крепильона-старшего. Герои трагедии – братья-враги, согласно греческим преданиям, жестоко мстящие друг другу.

2